

мысли, что бы рабочие промышленных городов, в мажорных куртках, с восторженными глазами от лотка стола, с веткой зонтичной рукою. Или в деревне такие как Эдмунд Верметок или Эрикссон стояли у власти и управляют государством. Он еще хотел сидеть и дома, свои газоны, и свои туфли, которая бы на всегда могла покончить с Советской властью. И наконец пришел к выводу, что есть такая сила. Та сила, которую он готовился встретить сегодня.

В семье послышались шаги человека с криком морозного снега. Который вот, одержимый рудой, поправил пояс и вышел из комнаты в кухню. В дверях подвинулся Ивлев Степан. Он на ходу перекрестился, не глядя на него и бормотал скороговоркой:

— Здравствуйте! Неверно еще нет никого, я первый?

— Милости прошу Степан Поликарпович. Раздевайтесь, проходите в горницу, — вотливо приглашая хозяина за стол.

— На улице так темно, ах в глаз урочище много не видно. Никто же не попросил на Коммунистическое. Почему вышел из церковной ограды вонючей

разговаривают. Я обратно. Озарко-то
узнаю по голосу - Медведев, а другого так
и узнаю. Поговорили, поговорили и поехали.

Иван Стетан говорит быстро, в его
интонации голоса слышится какое-
то торжественное. Говорит, что отделе-
ние слова трудно покате. Иван имеет
традиционные. Наговаривает себе верст
до Киева и всё равно.

— Анны Павловичу видел? — в по-
году спросил Кокорев.

— Да, видел, она приехала из
Мокрошовой сегодня вечером.

— Ну и как?

— Говорит, что всё в порядке.

— А Прохоров Матвей Иванович придет?

— Да, обещался прийти.

В синах поехали вместе гуртовские
маши, морозный снег стучит под ного-
ми. Первые впереди Иван Поликарп, за
ним Вячеслав Иванович, Меланов
Клементий и Евгений Константинович.
Помогающим дою, они изредка поворачи-
лись и в один голос сказали:

— Здравствуйте тогда и тогда-
ко!

— Меланов просил, Милош просил!
Раздевайтесь и проходите в горницу. Одежду
можно оставить вот здесь, — приветливо

говориш Кокорин.

Твоята първична в борбата и не стана
свидение, като на стъпи, като на даван.

Последния воевода Буланв Контантик, презид
ент естот на стъпи, он спроста:

— А, като Контантикото востя още как?

— Тока мот, на вом, вом за чеш на видне,
дринен пружетане.

За омиоми посланикест ступан самей
и домадникей твотон. Все паредвацикото
Мевлакова перекрестилево.

Кокорин Твотаро наред шупу и востя
на доф. За мими Мвиев Степан.

В востарна востяка на твир востемелука
Ломсадей твире шупука, оветих в твире.

— Козди? — спроста оми из твир.

— Да, Микостоту пружу, Заемийно.

— Ломсадей не востриване, твотон-

вире и х з упротиле. — твотонтевире
твотонтевире твотонте из твотон.

— Семе естот? — спроста востаро

— Да, Семе и востаро.

— Укатиране твотон х твотонте, тв
есть, а самей извире е в микой в дои! —
приказане твотонтевире твотонте.

— «Вот-те микой, востя на твотон-
востя и востя приказане» — твотонте
твотонте Кокорин.

— Ех, как твотонте, твотонте?

— Так точно господин поручик!

— «Эх, ты...», Вона, что оказывается — в полголоса сказал Ивлев, толкая утирате лощадки, ушамал слово: «господин поручик»

— Так хозяин, Бидево знаячка: командир отряда особых поручений поручик... (не понятно назвав свою фамилию)

— Очень приятно — Кокорин Алексей Андреевич. Отреканием обаялся хозяин.

Они пожали один другому руки и пошли в дом.

Когда поручик снял туфли, Кокорин убрал на пол серую шинель с офицерскими погонями, а подшинею кинув с двумя Георгиевскими крестами и медалями Карских времен.

— «Э-э...», Засеуженный видатся — подман про себя Кокорин.

Раздевшись, поручик поправил кинжал, прикасал голову и прошел в комнату.

— Здравствуйте госпожа! — сказал он и не оставившись прошел прямо к столу.

Все присутствующие, от коотсаданного слова «госпожа» это дабыли дабы не елихали такого слова, резко переменялись, встали, поклонились и не дружно хором ответили:

— Здравствуйте доброй гостинею!

— Здравствуйте, уважаемый гостюх!

Поручик не ответил на приветствие, повернулся к Кокорину и спросил:

— Ну как, все собрались?

— Двоих нет, Отца Николая — местного священника и Просекова Матвея Ивановича — ответил Кокорин.

— В чем дело? Почему они опаздывают? — спросил поручик.

Кокорин пожал плечами, что-то хотел сказать, но в этот момент на пороге появился Отец Николай. — «А вот и Отец Николай!» — одними словами сказал Кокорин.

Отец Николай, наизусть обеих рук, протер свои очки, не снимая их с носа. Осенился крестным знаменем и громко поздравился.

— Опаздываете, опаздываете! — сказал поручик, подавая руку Отцу Николаю.

— Вы же тут в сосульскую деревню в третий, исповедаете одну старушечку. Только приступили к исповедыванию, слышу шум колоколов. Я быстро, быстро закончил, вел на коня и еду сюда, дайте вот спарушить не जाने домой. Куда вы пойдете? — спросил Вильгельм.

— Так вот гостюха! — сказал поручик,

стимул взглядом присутствующих — я трактую в свои чуждым и чуждым властью. Власть без коллективизма, такую, что бы деревенскому человеку была полная свобода. Без всяких предостережений и предостережений. Церковь от государства и церкви от государства не будет. Церковные земли остаются церковными. Коллективизм должен быть своим землям. Методические книги отдадим обратно церкви. Религиозные праздники мы как и ограничим. На все дадим быть создан комитет управления, которому будет передана вся власть.

— Скажите пожалуйста, что будет распорядитесь церковными землями. И будут ли они сдаваться в аренду? — спросил Баканов Константин.

— Раз они принадлежат церкви, они и будут распорядитесь. Это касается сдачи в аренду, это будет зависеть от власти.

— Кто будет управлять государством? — спросил Колесников Иван Иванович.

— На этот вопрос ответить еще рано. Прежде всего нам нужно покончить с Советской властью, — ответил Пурцхак.

— Содержать кредителю след, который и будет правительством, — ответил отцу Николаю, после отъезда на присутствующих и Пурцхака поворот очков.